

полития

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российскойского научного фонда № 22-18-00723 (<https://rscf.ru/project/22-18-00723/>).

Кирилл Евгеньевич Петров — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра исследований политических элит Института международных исследований МГИМО МИД России. Для связи с автором: originalkir@gmail.com.

Аннотация. В статье предпринята попытка использовать теорию концептуальной метафоры для сравнения далеко отстоящих во времени коммуникативных практик Древней Греции и современности. Цифровые коммуникации и социальные медиа трактуются автором как цифровая Агора, или Агора 2.0. Подобно тому как в античные времена влияние Агоры заставило афинскую аристократию считаться с демосом, социальные медиа изменили современный политический процесс, ограничив прежние возможности элит. Применение концептуальной метафоры *Агора 2.0* позволяет автору прояснить сходства в функционировании открытых коммуникационных систем, в рамках которых массовая трансляция убедительных фейковых новостей и/или внешнее вмешательство в электоральный процесс оказываются существенно неустраняемыми явлениями.

Чтобы компенсировать потенциально деструктивное воздействие агорцентричных структур, общества вынуждены приспосабливаться. По оценке автора, вопрос о том, справится ли цифровая Агора с многочисленными вызовами, или возобладают тенденции, которые нанесут непоправимый ущерб демократическим институтам, остается открытым. При рассмотрении возможной реакции на вызовы существования Агоры 2.0 он задействует биологическую метафору иммунного ответа, с ее помощью разбирая совокупность вероятных сценариев — от радикального запрета самой инфраструктуры Агоры 2.0 до внедрения тонких гомогенизирующих институтов, препятствующих бесконтрольному росту влияния популистов.

Ключевые слова: цифровое общество, популизм, фейк-ньюз, демократический режим, полисная демократия, эпистемологический кризис, Агора, остракизм, информационная безопасность, выборы

Если мы лишены способности отличать истинное от ложного, то по определению рынок идей не функционирует. И по определению не работает наша демократия. Мы вступаем в эпистемологический кризис.

Барак Обама

АГОРА 2.0

Идеал демократического устройства, основанного на сетевом, внеиерархическом взаимодействии равноправных граждан как субъектов и объектов политической коммуникации, давно и прочно ассоциируется с полисной системой Древней Греции. Ярким, хотя и мифологизированным примером эгалитарного обсуждения общественных дел являются Афины классического периода, где демос добился доступа к жребию и голосованию, а центр общественной жизни сместился из цитадели влияния наследственной аристократии Акрополя в район оживленной рыночной площади Агоры. На открытом пространстве Агоры сформировался агонистический политический процесс², а способность убеждать сограждан здесь и сейчас в рамках прямой коммуникации стала едва ли не важнейшей добродетелью древнегреческого политика³. Agora как пространство публичной коммуникации превратилась в ключевой неформальный институт древнегреческого полиса или, говоря языком современности, универсальный маркетплейс, место, где продавался и покупался любой товар, включая идеи и репутации софистов.

Уже в эллинистическом мире правители смогли восстановить авторитет наследственных иерархий, ограничив влияние популистских, агороцентричных настроений. Последующее движение к современным национальным государствам, как показала реалистическая школа⁴, и вовсе стартовало с установления власти структур, едва отличимых от частных охранных предприятий, контролирующих территорию с проживающими на ней людьми посредством в целом примитивной коммуникации — торговли действиями⁵, в ходе которой безопасность обменивалась на поддающиеся сбору ресурсы. Однако идеал полисного демократического устройства, построенного вокруг открытого пространства обмена Агоры, прошел сквозь века, сохранившись до наших дней.

Цифровая инфраструктура современных социальных медиа поднимает агонистическое начало из глубин древнегреческой демократии на новую высоту — для блага или для коллапса. С помощью общедоступных цифровых платформ политики легко воплощают в жизнь иллюзию близости к гражданам и снова напрямую апеллируют к ним в обход демпфирующих институтов. И в точности как в Древней Греции соревнуются преимущественно в театральной убедительности⁶. Цифровая инфраструктура и в особенности социальные медиа сегодня суть своеобразная постмодернистская рыночная площадь идей, образов, идентичностей и смыслов — Agora 2.0.

² *Шавецко 2023.*

³ *Подробнее о связи дискурса и политики в полисах см. Видаль-Накэ 2001; Левицкий 2023.*

⁴ *Tilly 1985, 1994; Skinner and Strath (eds) 2003; Волков 2018.*

⁵ *Сергеев 1999: 20—22.*

⁶ *Veus 2011; Порецкова и Савин 2021.*

Метафора рынка, рыночной площади пришла в политическую науку в контексте обсуждения рационального поведения избирателей, которые виделись придиричивыми покупателями, формирующими спрос⁷, но ее можно применить шире, указав и на неустранимые иррациональные моменты открытого коммуникационного процесса. Так называемая темная сторона социальных отношений в древнегреческом полисе впервые была ярко описана в классической работе Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»⁸. В середине XX в. высказанные там идеи получили развитие в книге Эрика Робертсона Доддса «Греки и иррациональное»⁹.

⁷ См., напр. Clarke et al. 2007; McDonald and Samples (eds) 2007.

⁸ Nietzsche 1987.

⁹ Dodds 1951.

В настоящей статье предпринята попытка посмотреть на различные и далеко отстоящие во времени явления с помощью теории концептуальной метафоры¹⁰. Применение данной теории к понятию Агоры, на мой взгляд, позволяет прояснить сходства открытых к внешним воздействиям коммуникационных систем. Современные социальные медиа по своей сути и функциям в политическом процессе похожи на ту самую общедоступную для вмешательства в ткань социальной жизни древнегреческую площадь Агору, разделяя присущие ей достоинства и недостатки. Мишель Фуко считал метафору политика-ткача, сплетающего социальную ткань из сотен разных нитей-интересов, одной из важнейших для эллинистической политики — в противовес ближневосточной метафоре пастуха, охраняющего свое стадо от хищников¹¹.

¹⁰ Lakoff 1993; Lakoff and Johnson 2008.

¹¹ Фуко 2011: 205—208.

Но здесь не обойтись без некоторых важных оговорок. Во-первых, в своем исследовании я намеренно стремился к проведению плодотворных параллелей в области общественных коммуникаций, используя возможности переноса в рамках концептуальной метафоры. Во-вторых, я исходил из презумпции допустимости описания Агоры как центральной инфраструктуры для прямой формы демократического устройства и цифрового пространства современных медиаплатформ — как центральной инфраструктуры для текущих преимущественно представительных форм демократического устройства национальных государств. Чтобы работа не вышла за пределы научной статьи, я ограничился коммуникационным подходом к пониманию демократического процесса¹². Институциональные различия находятся вне сферы моего рассмотрения. Хочу также обратить внимание читателя на иллюзорность полного отождествления агороцентричной полисной системы и нынешних политий, использующих интернет как главное вместилище бытовой переписки, экономического обмена и социально-политических коммуникаций.

¹² Lasswell 1948; Habermas 1985; Bohman 1990.

¹³ На русском языке о феномене постправды и фейков можно порекомендовать коллективную монографию «Фейки: коммуникация, смыслы и ответственность» (Золян и др. 2021).

¹⁴ См., напр. Helm and Nasu 2021.

Мое исследование начиналось как аналитический доклад о национальных и наднациональных попытках ограничить деструктивное информационное воздействие внутри цифровой инфраструктуры, включая юридическое определение таких феноменов, как фейк-ньюз и дезинформация¹³. Однако по мере сбора данных о законодательных новеллах¹⁴ я пришел к выводу, что обсуждаемое странами регулирование максимально ситуативно, а предлагаемые средства чаще всего

нацелены на ограничение одних цифровых платформ коммуникации в пользу других.

В связи с этим и выросла гипотеза, что вызов, с которым сталкивается сегодня цифровое общество, использующее социальные медиа для открытой общественно-политической коммуникации, не сводится к некоей конкретной проблеме вроде массовой трансляции убедительных фейковых новостей или иностранного вмешательства в электоральный процесс, поддающейся решению посредством введения законодательных ограничений.

Особого внимания заслуживает постоянная опасность эксплуатации субъектами политического процесса ничем не ограниченного популизма и возможность установления режима тирании с опорой на демос. Для борьбы с чрезмерным влиянием отдельных политиков, основная цель которых — приобретение и сохранение власти, в Афинах существовала система санкций путем изгнания, представлявшая собой либо гражданский «бан»¹⁵, либо, после реформ Клисфена, диковинный негативный референдум о судьбе политиков с высоким антирейтингом — остракизм¹⁶.

¹⁵ Forsdyke 2005.

¹⁶ Tridimas 2016.

Я использую концептуальную метафору *Агора 2.0*, чтобы показать, что возможность массового манипулятивного воздействия является составной и неотъемлемой частью открытых систем, опирающихся в конечном счете на изменчивое мнение включенных в сетевое сообщество индивидов, обладающих правом голоса. Сам принцип функционирования агороцентричных структур построен на том, что неограниченное число субъектов может подключаться к ним в целях оказания влияния, изобретая все более эффективные способы воздействия на аудиторию. Фейки — это не единицы ложной информации, которые легко подвергнуть верификации; фейки точнее понимать как сообщения, обладающие вирусным потенциалом внедрения и распространения в подходящей для них среде. Поэтому возможные сценарии ответа на вызовы существования Агоры 2.0 в заключительной части статьи рассмотрены с помощью биологической метафоры иммунной реакции.

**«Злой близнец»
Агоры
и вторжение
сил хаоса**

Греческая полисная демократия, насколько можно судить, началась с решения общих вопросов внутри относительно небольших по составу общин, где мужчины могли обсуждать все насущные проблемы лично — лицом к лицу. При этом гомогенность древнегреческого общества не следует преувеличивать. Аристократический компонент сообществ эллинов, воспетый еще Гомером, был крайне силен. Представители наследственной элиты, обладавшие авторитетом по праву рождения, выясняли отношения, часто прибегая к взаимному насилию и изгнаниям. Показательно, что само однокоренное с демократией слово *демарх* означало царского или олигархического наместника, которому передана власть над определенной территорией.

По оценкам историков, драйверами рождения общественного строя с сильным влиянием демоса могли быть не только военная организация греков, в обязательном порядке требовавшая коллективного обучения, не только расширение свободного времени граждан, но и особые религиозные практики внутри единых для конкретного полиса верований, где нарушение запретов одним членом общины, пусть даже и высокопоставленным аристократом, способно было навлечь на весь город гнев хтонических сил¹⁷.

¹⁷ *Сергеев 1999: 46—54.*

Ярким примером эгалитарного обсуждения общественных дел, когда принятие решений было доверено демосу через процедуры жребия и голосования, служат Афины после реформ Клисфена 508—507 гг. до н.э. Эти реформы закрепили постепенный переход от олигархической по своему духу кланово-аристократической политики к широкому процессу, в рамках которого за влияние на демос соперничали и знатные аристократы, и успешные демагоги-ораторы, жаждущие признания¹⁸.

¹⁸ *Fukuyama 2018.*

Принципиальная открытость пространства Агоры и склонность созданного ею сообщества к поощрению политической конкуренции и публичного соревнования как за сознание, так и за эмоции сограждан имели свою цену. Во-первых, взаимоотношения лидера (демагога) и демоса в полисной демократии оказались неустраимо построены на необходимости убеждения. Во-вторых, доминирование торговой площади как центра общественно-политической коммуникации выявило ее особую чувствительность к манипуляциям и вмешательству.

Ориентация агороцентричной коммуникации на открытость к производству новых смыслов и постоянное тестирование эффективности их воздействия на аудиторию органично соединилась с тенденцией к увеличению рисков нечестной игры, предоставления фальшивок, манипулирования товарами и ценами.

Кроме того, агонистичность общественно-политического процесса, изменчивость и нестабильность как внутренние его свойства делали его уязвимым и для прямого внешнего воздействия. В случае древнегреческих полисов ключевым внешним игроком, несомненно, была империя Ахеменидов. Гипотетически даже первое технически успешное внешнее вмешательство с помощью простой технологии спонсирования влиятельных ораторов можно приписать именно персидским элитам. Не сумев победить союз полисов на поле боя в ходе греко-персидских войн, персидская империя и ее приграничные сатрапии вполне успешно манипулировали полисными разногласиями, вмешиваясь в демократический процесс и щедро финансируя проперсидских политиков¹⁹. Впрочем, было бы ошибкой демонизировать данное влияние, поддавшись магии ценностной установки, противопоставляющей прогрессивный Запад дикому Востоку. Например, Джек Мартин Балкер убедительно доказывает, что система налогообложения городов Делосского союза явно была заимствована афинянами у персов²⁰.

¹⁹ *См. Miller 2004; Waters 2014: 166; Hyland 2017.*

²⁰ *Balcer 1977.*

Стоит согласиться с Томасом Ридом, который утверждает, что манипуляции информацией с целью воздействия на внутреннюю полити-

ку государств имеют давнюю историю и новые технологии не меняют общей логики их осуществления²¹. Отталкиваясь от идеи Рида, можно сказать, что коммуникативные форматы древнегреческих полисов таят ряд интересных параллелей с современной ситуацией, где едва ли не главными воображаемыми сообществами являются вненациональные консьюмеристские объединения, умело поддерживаемые маркетологами и корпорациями²².

²² Harari 2014.

Быстрое и эффективное распространение информации не означает, что сами распространяемые сообщения будут качественными. Подобно тому как в прямой коммуникации граждан древнегреческих полисов были неизбежны ошибки в понимании сообщений и прямое манипулирование, так и социальные медиа создают удивительно питательную почву для эмоционального и иррационального влияния²³.

²³ Sterzer 2022.

Например, будущий тиран Афин аристократ Писистрат распространял дезинформацию о том, что его пытались убить и ограбить, а еще через несколько лет провел публичный перформанс, призванный убедить демос, что сама богиня Афина вернула его в город после изгнания. Конечно, тираническую власть над афинским полисом ему вручил не сам по себе провокативный нарратив, а демос, поверивший в него, пусть и на непродолжительное время²⁴. Однако нельзя не заметить, что недостоверная информация успешно выполнила функцию организации. Вдумаемся, разве не похожи народные дубинщики — телохранители Писистрата, выбросившие враждебную ему аристократию из Акрополя и установившие первую, недолгую его тиранию в Афинах (560—556 гг. до н.э.), — и разгоряченные парни из современного американского ультраправого движения Proud Boys и подобных ему радикальных групп²⁵, собравшиеся на знаменитом митинге в Вашингтоне 6 января 2021 г., после того как Дональд Трамп неделями продвигал нарратив о нечестности президентских выборов 2020 г. и необходимости в доходчивой форме донести истинное мнение народа до формальных выборщиков, собственного вице-президента Майкла Пенса и истеблишмента Капитолия? Представляется, что логика подобных событий тесным образом связана с наличием в обществе развитых коммуникационных систем, поддерживающих одновременно и потенциал демократического обсуждения, и потенциал популистского убеждения лидером своих сторонников в необходимости действовать.

²⁴ В третий раз Писистрат пришел к власти в Афинах, и уже надолго, с помощью менее изобретательной технологии — прямой военной интервенции.

²⁵ Kuter 2020.

Можно сказать, что вместе с идеалом публичной состязательности в современность просочился и его «злой близнец». Мало кто станет сомневаться, что среди даров, которые преподнесли гражданам цифровые коммуникационные платформы, скрывается разрушительная темная материя. Примерно половина экспертов, принявших участие в специализированном опросе Pew Research в 2020 г., согласилась с тем, что использование цифровых технологий ослабит основные аспекты демократии и демократического представительства. При этом опасения на этот счет часто высказывали даже оптимистично настроенные эксперты²⁶.

²⁶ Many Experts 2020.

²⁷ Lyotard 1984.

Перед сообществом, использующим инфраструктуру Агоры, встает непростой вопрос: как нейтрализовать потенциал деструктивного воздействия и сохранить высокую эффективность коммуникативной сферы?²⁷ Можно пойти по пути ограничения инфраструктуры или прицельно убирать с политической сцены (прилавка) слишком убедительных демагогов, лидеров, способных увлечь демос химерическими идеями. Примечательно, что Платон в «Республике» предлагает оба варианта действий, считая необходимым, во-первых, существенно ограничить торговлю и частную собственность (что, очевидно, радикально снизит влияние рыночной площади), во-вторых, поставить в центр общественного управления не агонистический процесс обмена эмоционально привлекательными для демоса идеями, а систему иерархического отбора и образования граждан.

²⁸ Ridder 2021.

Вместе с ростом масштабов коммуникационной среды растет и масштаб потенциального распространения как безобидных, так и разрушительных фейков. Как справедливо отмечает Йерун де Риддер, дезинформация способна оказывать системное воздействие на информационную среду, ухудшая положение всех, в том числе эпистемически бдительных²⁸. Перед нами открывается оборотная сторона моментально достижимой и всемирной информационной паутины. Но одно дело узнать, что знаменитый Стэнфордский эксперимент Филиппа Зимбардо, возможно, является хитроумной подделкой²⁹ и нам следует открыть дискуссию о необходимости изменения текстов учебников по психологии, и другое, когда в социальных медиа намеренно распространяются ложные сообщения о смертях после прививок от COVID-19.

²⁹ См. Resnick 2018.

Пределы цифровизации

Начало XXI в. ознаменовалось стремительным развитием, массовым внедрением и удешевлением информационных технологий. Персональный гаджет, хранящий данные о доступных для покупок средствах, в сочетании с мобильным доступом в интернет стал символом новой экономики, основным способом межперсональной коммуникации и получения информации о внешнем мире в наступившей цифровой эпохе.

³⁰ Рябов 2022: 26.

³¹ В случае России идеальным примером является многофункциональный портал «Госуслуги».

С начала 2010-х годов как минимум две тенденции дали дополнительный стимул развитию нового пространства доступа к информации и обмену. Во-первых, это становление олигопольной инфраструктуры цифровых коммуникационных платформ (social media), подконтрольных глобальным IT-корпорациям, пять крупнейших из которых (Microsoft, Alphabet, Apple, Amazon, Facebook) составляют основу индекса Nasdaq. Стоит согласиться с Андреем Рябовым, который пишет, что «капитализм цифровых платформ продуцирует монополизм нового уровня и качества, прекрасно сочетаясь с гибкостью и адаптивностью своих организационных форм»³⁰. Во-вторых, это стремительная дигитализация обращенных к гражданам функций современных национальных государств³¹. Наконец, в начале 2020-х годов произошел прорыв в разработке нейросетей и технологий искусственного интеллекта (AI).

Данные процессы привели к формированию глобального виртуального коммуникативного пространства, которое по-настоящему не контролируется ни одним государством, создает противоречивые и сложные отношения между государственными структурами и цифровыми платформами и при этом оказывает подавляющее воздействие на повестку и ход общественно-политического развития.

Кризис среднего класса, рост антиэлитных настроений и взлет популярности политиков-популистов, особенно после референдумной кампании по выходу Великобритании из ЕС и американских выборов «Трамп vs Хиллари Клинтон» образца 2016 г., могут рассматриваться как ключевые черты эпохи³². Неодолимое влияние цифровых платформ и социальных медиа и перехват потоков коммуникации в значительной мере выбили контроль над социальными процессами из рук элит и переформатировали современный открытый политический процесс. Поскольку со времен Йозефа Шумпетера ограниченная институтами ненасильственная конкуренция элит считается краеугольным камнем демократического представительного порядка, новый баланс может рассматриваться как вызов для представительной демократии³³. По оценке Натаниэля Персилы, удачно суммировавшего сомнения относительно возможности демократии выжить в условиях главенства интернет-коммуникаций, использованная на выборах 2016 г. в США тактика представляла собой уход в сторону цифровой коммуникации от традиционных электоральных кампаний, в рамках которых политический ландшафт задавали преимущественно мейнстримные медиа, комитеты политических действий, правозащитные организации и собственно политики³⁴.

Как следствие, вопрос об особенностях политического процесса и, главное, об изменении сути электоральных процедур в условиях стремительного и бесконтрольного распространения информации в интересах неограниченного числа акторов приобретает ключевое значение. Последний тематический хэндбук Routledge недвусмысленно указывает, что понятия дезинформации (в том числе в форме фейковых новостей) и популизма занимают центральное место как в современных обществах и политических системах, так и в повестке междисциплинарных исследований³⁵.

При этом само традиционное академическое исследование данной проблематики чрезвычайно затруднено из-за эффектов сверхдинамики изменения траектории движения Джаггернаута «всесокрушающей современности», о которой как о ключевой характеристике модерна писал Энтони Гидденс³⁶. Фактически мы сталкиваемся с настолько быстрым процессом, что информационная среда как предмет изучения видоизменяется быстрее, чем можно подготовить и отрецензировать рукопись. Более того, с ростом возможностей генеративных нейросетей смысл привычной человеческой общественно-политической коммуникации оказывается под вопросом. Известный популяризатор науки Юваль Ной Харари считает, что искусственный интеллект уже взломал

³² Сергеев, Казанцев и Петров 2017.

³³ Staats 2004; Sandel 2020.

³⁴ Persily 2017: 64–65.

³⁵ Tumber and Waisbord (eds) 2021: 13.

³⁶ Giddens 1991.

³⁷ Harari, Harris, and Raskin 2023.

³⁸ Рябов 2022.

операционный код человечества (язык)³⁷. Нам остается только ждать последствий появления убедительных нечеловеческих нарративов и пытаться спрогнозировать новые вызовы³⁸.

Публичная значимость описанного выше явления, вызывающая особенно острую реакцию прессы и блогосферы, состоит в том, что нарративы влиятельных персон легко и быстро переходят в перформативы и собственно человеческие поступки — факты материального мира. Под персонами традиционно принято понимать политиков и общественных деятелей, но не должны ли мы теперь добавить к ним и такую категорию, как продвинутые алгоритмы, напоминающие человеческий интеллект? Разумеется, не только призывы программируют поступки людей, но сама легкодоступность подобного программирования притягательна и разрушительна. В современных условиях, когда потребитель медиаконтента может быть крайне удален от порождающей этот контент реальности как социокультурно, так и буквально, в физическом пространстве, он практически не в состоянии проверить достоверность того или иного факта или новости. А там, где есть устойчивая инфраструктура мгновенного распространения информации, выглядящей как минимум убедительной, возникают широкие возможности для манипуляций и внешнего вмешательства.

Ускользящий феномен фейк-ньюз

³⁹ Tumber and Waisbord (eds) 2021: 115.

Феномен фейковых новостей, распространяющихся в цифровой среде подобно вирусу в биологических средах, привлекает большое внимание исследователей. Как указывают авторы уже упомянутого справочника Routledge, проблема вызвана легкостью доступа к коммуникационным технологиям, которыми регулярно пользуются многие миллионы людей, и подражанием социальным ценностям, уходящим корнями в историю и пронизанным легитимностью, что подрывает фундаментальную добродетель, объединяющую сообщества, — правду³⁹.

Предлагаемые подходы к фейк-ньюз в контексте вмешательства и противостояния таковому можно разделить на прикладные и философско-коммуникационные. Прикладные подходы сосредоточены на описании отдельных черт явления и выработке удобных форм институционального противодействия кампаниям влияния и дезинформации, поскольку в новых условиях традиционные централизованные государственные практики такого противодействия (включающие в себя не только прямую цензуру и лицензирование, но и десятки более экзотических форм контроля, как например, введенный в конце 1980-х годов правительством Маргарет Тэтчер запрет на теле- и радиотрансляцию в Британии голосов публичных представителей ирландской партии Шинн Фейн⁴⁰) уже неэффективны.

В множестве журналистских статей и академических публикаций по итогам американских выборов 2016 г. обсуждался факт поражения мейнстримного кандидата в гонке против аутсайдера, популиста и нарушителя общепринятых норм ведения кампаний. И хотя медианный

⁴⁰ Примечательно, что этот запрет привел сначала к использованию субтитров, а затем и к переозвучке ирландских политиков профессиональными актерами.

⁴¹ *Allcott and Gentskow 2017.*

вердикт научного сообщества состоит в том, что вероятность существенного вклада дезинформации в избрание Трампа крайне мала⁴¹, число публикаций, пытающихся связать эти явления, определить место социальных медиа и роль фейковых новостей, да и просто пролить свет на неожиданное изменение тренда, чрезвычайно велико.

⁴² *Brattberg and Maurer 2018.*

⁴³ *Истомин 2023.*

Другой итог президентской кампании 2016 г. в США — теснейшее переплетение концептов фейк-ньюз и внешнего вмешательства⁴². Как показывает Игорь Истомин, само по себе понятие «внешнее вмешательство» с трудом поддается сущностному определению⁴³. Переплетение обогатило оба термина, создав широкое поле для междисциплинарных исследований, и одновременно поставило ученых перед сложным выбором объекта изучения.

⁴⁴ *Funke and Flamini 2019.*

Нельзя не отметить и нарастающую волну антифейкового национального законодательства. По данным Института медиаисследований Пойнтера, в течение года после того, как в начале 2018 г. Комиссия ЕС впервые создала на высоком уровне группу по изучению дезинформации, не менее 50 стран по всему миру приняли законодательные меры против распространения ложной информации онлайн⁴⁴. С началом пандемии COVID-19 процесс заметно ускорился. По отношению к 2019 г. число попыток регулирования как минимум удвоилось, причем не только в демократических, но и в авторитарных системах, что говорит о всеохватности воздействия Агоры 2.0 на политический процесс⁴⁵.

⁴⁵ *Yadav 2020.*

По своим ключевым принципам соответствующее законодательство распадается на две группы: нацеленное на защиту исключительно государства и не отделяющее государство от других субъектов. В первом случае антифейковые законы ориентированы главным образом на противодействие дискредитации государственных структур и/или первых лиц страны. Во втором — законодательство является общим, законы регулируют фейки вне зависимости от их направленности. Драконовское регулирование социальных медиа в настоящее время обсуждается в Бразилии на фоне скандальных президентских выборов 2022 г., в ходе которых аккаунты сторонников действующего президента Жаира Болсонару постоянно блокировались.

Новым веянием стали попытки договориться с корпорациями о «гармонизации» среды. Если в США пока ограничиваются строгими допросами представителей бизнеса в Конгрессе, то в Европе пошли дальше: в 2022 г. между Еврокомиссией и 34 платформами доступа к информации, в числе которых все флагманы, включая Google, было заключено соглашение, предполагающее разработку системы мониторинга дезинформации и блокирования ее источников. Вместе с тем по состоянию на сегодняшний день единства экспертов не удалось достичь даже в плане простого определения явления, которое предполагается ограничить. Емкое определение фейк-ньюз предлагает Кембриджский словарь образца 2020 г., характеризующий их как «распространяемые в интернете или с помощью других средств массовой коммуникации

⁴⁶ *Fake News 2020.*

ложные истории, выглядящие как новости, которые обычно создаются с целью повлиять на политические взгляды или ради шутки»⁴⁶. Однако, будучи крайне широким, это определение с трудом поддается операционализации.

Философско-коммуникационные подходы к проблематике фейковых новостей ориентированы на объяснение текущего тренда развития. Наиболее оригинальным из них, на мой взгляд, является концепция токсичного информационного загрязнения. К ее сторонникам относится упоминавшийся выше Риддер, который полагает, что дезинформация в буквальном смысле загрязняет нашу информационную среду, засоряет общий пул доказательств ложной и вводящей в заблуждение информацией. В результате людям приходится прикладывать гораздо больше усилий для отделения достоверных ответов от недостоверных. Согласно Риддеру, дезинформация имеет системные последствия для информационной среды, делая нас всех, включая эпистемически бдительных, уязвимыми⁴⁷.

⁴⁷ *Ridder 2021.*

Заметно, что приверженцы философско-коммуникационных подходов скептически относятся к практическим предложениям по противодействию фейк-ньюз. По их мнению, в эпоху, когда ложные сообщения вне зависимости от их природы могут повлиять на выборы, международные отношения и кризисное реагирование, выдвигающие такие предложения политики стремятся не столько нейтрализовать угрозы информационным и социальным экосистемам, сколько максимально замедлить распространение невыгодной для себя информации, с тем чтобы получить больше времени на принятие решений.

Ответы на вызовы Агоры и остракизм цифрового общества

Справится ли Агора 2.0 с вызовами в области коммуникации, в чем убежден, например, технооптимист Нарендра Модди⁴⁸, или возобладают тенденции, которые полностью смешают факты и фальсификации в единую загрязненную массу, нанеся непоправимый ущерб демократическим институтам? Последней точки зрения придерживается, в частности, Джонатан Колбер, по оценке которого дипфейки как технология способны полностью стереть различие между фактами и ложью, что будет иметь разрушительные последствия для демократических институтов и процессов⁴⁹.

⁴⁸ *См. Модди 2022.*

⁴⁹ *Many Experts 2020.*

Вопрос институционального ограничения фейковых новостей внутри сетевой демократической системы убеждения сторонников и оппонентов затрагивает, как представляется, не внешнюю оболочку, но собственно ядро системы. В связи с этим в рамках законодательства и практики правоприменения национальных государств и политик глобальных корпораций, владеющих цифровыми медиаплатформами, намечились две тенденции. Первая предполагает движение в сторону ограничения прав (вплоть до удаления аккаунтов) авторов фейковых новостей и отделение активности ботов от активности пользователей-физлиц внутри коммуникационных сетей. Данную логику можно

назвать попыткой точечного демонтажа нежелательного влияния с использованием инструментария цифровых медиаплатформ. Вторая — движение в сторону ограничения доступа пользователей к медиаплатформам на государственном уровне. В этом случае речь идет о попытке полного демонтажа инфраструктуры вместе с элементами нежелательного влияния.

Рассмотрим возможные ответы системы, зависящей от функционирования открытого маркетплейса идей, которые постоянно проверяются гражданами на убедительность и правдивость, на возрастающие риски внутренней и внешней манипуляции.

Конечно, заманчиво подойти к решению вопроса о рисках предельно аналитически и постулировать наличие у политического сообщества свободного выбора вариантов действий внутри своеобразной матрицы: демонтаж/сохранение сетевых структур Агоры — движение в направлении поддержания/подавления агонистичности сообщества. В этой ситуации мы имеем четыре идеальнотипических варианта ответа на вызовы:

- 1) запрещение инфраструктуры Агоры + ставка на гомогенность общества;
- 2) запрещение инфраструктуры Агоры + ставка на гетерогенность общества и управление агонистичностью;
- 3) сохранение инфраструктуры Агоры + ставка на гомогенность общества;
- 4) сохранение инфраструктуры Агоры + ставка на гетерогенность общества и управление агонистичностью.

Однако подобные идеальные типы хороши исключительно для создания умозрительных, утопических моделей. Так, в ответе первого типа отчетливо просматриваются представления Платона об идеальном полисе, да и принципы, на которых строятся все более поздние утопии. В свою очередь ответ второго типа лежит в основе «дивного нового мира» Олдоса Хаксли.

Описанная же система слабо поддается аналитическому контролю и реагирует на внешнюю среду скорее по биологической логике хаотического роста⁵⁰. Направление движения в наибольшей степени определяется двумя векторами силы: собственно силой открытого и состоятельного обсуждения на Агоре, толкающей общество к гетерогенности, и силой культуры и традиции, функцией, которую Толкотт Парсонс обозначил как поддержание образца (pattern maintenance)⁵¹. В конечном итоге выбор является иллюзией. Открытые системы всегда так или иначе вынуждены вырабатывать политику, призванную компенсировать то воздействие, которое оказывает Агора.

Здесь уместно применить дополнительную биологическую метафору, описывающую реакцию организма и работу иммунитета при столкновении с агрессивной внешней средой. Можно выделить три инварианта:

⁵⁰ См. *Gleick 2008*.

⁵¹ *Parsons 1961*.

- изоляция (попытка физического удаления от источника внешнего вмешательства, в крайнем случае — ампутация пораженной части организма);
- иммунный ответ, или адаптация (верная агрессия организма по отношению к вторжению, нейтрализация угрозы и, как следствие, оздоровление, иногда за счет включения части внешней генетической информации в собственный код);
- аутоиммунная реакция (ошибочная агрессия организма — частичное или полное самоуничтожение).

Древнегреческие общества в целом пошли по пути адаптации и сохранения открытой острой конкуренции, даже несмотря на неустойчивость полисной демократии, которая была очевидна мыслителям-современникам. При этом многие полисные и межполисные институты, как то: широкое применение жребия вместо голосования, олимпийские игры и мистерии, были призваны работать на гомогенизацию и сплочение сообщества. Особого внимания в этом плане заслуживает, как представляется, гармонизированный институт изгнания наиболее опасных популистов.

Древние греки разработали интересный механизм/институт регулирования нежелательного и избыточного влияния отдельных личностей на сообщество граждан — остракизм. Первоначально это был инструмент общественного наказания — изгнание⁵², фактически легкая форма коллективных гонений по Рене Жиру⁵³. До реформ Клисфена изгнание в Афинах использовалось в основном аристократическими родами друг против друга в борьбе за политическую власть, использовалось хаотично, бесконтрольно и, по сути, без каких-либо ограничений⁵⁴. Однако в ходе этих реформ остракизм был оформлен как демократический институт в форме ежегодного двухтурового вотирования. Если чьи-то идеи, рассуждения и убеждающие речи не нравились большинству, раз в год можно было провести голосование и отправить соответствующего оратора в 10-летнюю ссылку. Во время ссылки за подвергнутым остракизму сохранялись его имущественные и прочие права, но он не мог больше жить в полисе, а значит, лишался возможности политически влиять на сограждан через устное слово на городской площади.

Процедура остракизма отличалась от прохождения обычного законодательства через собрание граждан. Первый тур определял, необходимо ли, собственно, проводить голосование, второй предполагал внесение конкретных имен на глиняных осколках — остраконах. Проводить подобное голосование чаще чем раз в год было формально запрещено, иногда вопрос о применении процедуры и вовсе не ставился на повестку дня. При всем том сдерживающий эффект данного установления для узурпации власти в чьих-то узких интересах сохранялся в полном объеме, а ограниченный характер санкций удерживал изгнанных аристократов от попыток вернуться силой. В целом редкое и умеренное использование изгнания в конфликтных ситуациях помогает объяснить исключительную стабильность афинской демократии. Ква-

⁵² *Подробнее см. Williams 2002.*

⁵³ *Жиру 2010.*

⁵⁴ *Forsdyke 2005.*

⁵⁵ *Tridimas 2016.*

лифицируя остракизм без дополнительных финансовых или иных наказаний как уникальный для прямой демократии институциональный инструмент разрешения конфликтов, Джордж Тридимас показывает, что он действовал как своего рода негативный референдум о политиках⁵⁵.

Институт остракизма как способ удаления политических акторов с Агоры удивительным образом схож с современной западной культурой отмены и практикой стихийной и внесудебной блокировки аккаунтов политиков в социальных медиа. На примере скандального блокирования аккаунтов Трампа на всех значимых цифровых платформах по итогам событий 6 января 2021 г., когда группа его сторонников, несогласных с итогами президентских выборов, временно захватила Капитолий, можно кратко охарактеризовать возможную суть остракизма применительно к цифровой Агоре.

Согласно одной из версий, Трампа необходимо было отлучить от влиятельной цифровой платформы Twitter и миллионов мобильных устройств, с которых граждане внимали его коротким месседжам, ввиду чрезмерной влиятельности тех идей, которые он распространял. Согласно другой, Трамп просто нарушал принципы политкорректности, негласно действующие внутри политического мейнстрима, допускал проявления hate speech и оскорбления различных групп граждан, что вело к дальнейшей поляризации и било по гомогенности сообщества.

Перенеси мы полностью древнегреческую практику остракизма в наше время, для того чтобы принудительно отрезать политиков/граждан с наибольшим накопленным антирейтингом от средств массовой коммуникации и аудитории, потребовалось бы проводить особые голосования. В современности подобной демократической процедуры нет. IT-гиганты вольны сами решать, кому давать трибуну, а кому нет, каких авторов продвигать, а каких пессимизировать. Национальные же государства в свою очередь могут с тем или иным успехом пытаться блокировать цифровые платформы за неправильную цензурную политику.

Заключение

Я использовал метафору Агоры 2.0, дабы продемонстрировать, что возможность манипулятивного воздействия является неотъемлемой составляющей демократической системы, опирающейся в конечном счете на изменчивое мнение включенных в сетевое сообщество индивидов, обладающих правом голоса. Поскольку функционирование агороцентричных структур предполагает свободу пользования ими с целью влияния, любая идея вне зависимости от ее ложности или обоснованности имеет потенциал распространения среди посетителей Агоры.

Неудивительно, что политические системы сталкиваются с серьезными сложностями, стараясь оградить себя от нежелательного вмешательства. Проблема в том, что эффективные системы коммуникации создают критические уязвимости для публичной сферы и в особенности для представительных институтов (которых полисная система не знала).

Невозможность отличить правду от вымысла в пределе означает невозможность выбрать привычным путем ответственных лидеров. Попытки лишить граждан доступа к внеэфирным средствам массовой коммуникации либо унифицировать ценностные установки вопреки агонистичности нарративов современности будут продолжаться, что само по себе способно перевести эпистемологический кризис в кризис институциональный.

При рассмотрении возможных сценариев ответа на обусловленные существованием цифровой Агоры вызовы весьма продуктивной выглядит биологическая «иммунная» метафора. На данный момент представляется маловероятным, что политики сделают ставку на правильную и долгую работу общественного иммунитета, который рано или поздно совладеет с охватившим общество недугом и ростом недоверия, или найдут способы тонко настроить институты гомогенизации, дабы сохранить творческий потенциал, но ограничить возможности деструктивного информационного вмешательства. Коллапс цифровой Агоры могут приблизить как ее демонтаж сверху, так и сильная и неконтролируемая «аутоиммунная реакция» общества.

Ставка на гомогенность, несомненно, означает по крайней мере частичное блокирование инфраструктуры цифровой Агоры, провоцирующей постоянную борьбу идей. Для описания этого сценария можно безболезненно использовать слово «холизм», которое часто употреблял ниспровергатель врагов открытого общества Карл Поппер⁵⁶. Необходимость борьбы со всяким вмешательством и забота о гомогенности и структурной связанности элементов как главном общественном благе красной нитью проходят через «Республику» Платона. В дальнейшем практически любой утопический проект рисовал общество, в котором развитие остановлено, а социально-политические отношения установлены раз и навсегда без возможности их поменять. Здесь стоит заметить, что ряд положений предвыборной кампании Трампа и его ключевой лозунг-мем MAGA (Make America Great Again) до изумления похожи на призыв к возвращению в Золотой век, в явном виде сформулированный в знаменитом тексте Платона.

Аутоиммунный ответ на влияние Агоры 2.0 будет так или иначе базироваться на принципиальном отторжении демократии как практики и эффективного способа принятия решений. Этот подход вполне может быть поддержан большинством граждан и влиятельными кругами элит. Его следствием станет усиление авторитарных тенденций и ставка на манипуляцию общественным мнением через харизматическое лидерство⁵⁷. В этом сценарии свободная и эгалитарная Агора оборачивается своим «злым близнецом», который покровительствует наиболее беспринципным манипуляторам.

Как могут выглядеть экстремумы в попытках преодолеть кризис посредством усиления конкурентности? Мы можем стать свидетелями борьбы IT-корпораций и союзов национальных государств с корпорациями за создание наиболее необременительного пространства

⁵⁶ Popper 1971.

⁵⁷ Подробнее об аутоиммунности демократии см. Магун 2016.

цифровой Агоры. Но существует и опасность создания директивного пространства Агоры 2.0, превращения ее из свободного рынка идей в жестко контролируруемую монополию или олигополию. Нетрудно представить себе ситуацию, когда в целях гармонизации влияния продвинутого алгоритма AI начнет решать, что является фейком, а что правдой для каждого отдельного человека. Подобный поворот событий не просто подорвет возможность демократического обсуждения общественных вопросов, он разорвет публичную эпистему на миллионы внутренне логичных, но непроницаемых эпистем. Тем самым откроется дверь для еще одной антиутопии — глобального режима управления с помощью алгоритмов, где властный картель технологических компаний будет диктовать свои условия предоставления цифровых сервисов и по своему усмотрению включать «правильные» нарративы и отключать «неправильные».

Библиография

- Видаль-Накэ П. (2001) *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.: Ладомир.
- Волков В.В. (2018) *Государство, или Цена порядка*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Жирар Р. (2010) *Козел отпущения*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Золян С., Н.Пробст, Ж.Сладкевич и Г.Тулчинский. (2021) *Фейки: коммуникация, смыслы и ответственность*. СПб.: Алетейя.
- Истомин И.А. (2023) «Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 120—137. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2023/2/Polis-2023-2-Istomin.pdf> (проверено 17.08.2023).
- Левицкий В.С. (2023) «Онтологическая природа политики» // *Полития*, № 1 (108): 25—39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-25-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-25-39.pdf) (проверено 17.08.2023).
- Магун А.В. (2016) *Демократия, или Демон и гегемон*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Моди Н. (2022) «Наша эра не должна быть эпохой войн» // *Коммерсантъ*, 1.12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694436> (проверено 07.08.2023).
- Порецкова А.А. и Н.Ю.Савин. (2021) «На пути к аудиторному представительству: медиатизация политики и новые вызовы для демократий и автократий» // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*, т. 6, № 2: 33—51.
- Рябов А.В. (2022) «О противоречиях и исторических развилках перехода к цифровому обществу» // *Полития*, № 4 (107): 23—39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4\(107\)-Pages-001-208-23-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4(107)-Pages-001-208-23-39.pdf) (проверено 17.08.2023).
- Сергеев В.М. (1999) *Демократия как переговорный процесс*. М.: МОНФ.

Сергеев В.М., А.А.Казанцев и К.Е.Петров. (2017) «Политика „мейнстрима“ и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к „невозможной политике“?» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 8—29. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2017/3/Polis-2017-Sergeyev.pdf> (проверено 17.08.2023).

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году*. СПб.: Наука.

Шавеко Н.А. (2023) «Агонистический плюрализм и состязательная модель демократии: проблемы нормативного обоснования» // *Полития*, № 1 (108): 6—24. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-6-24.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-6-24.pdf) (проверено 17.08.2023).

Allcott H. and M.Gentzkow. (2017) «Social Media and Fake News in the 2016 Election» // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 2: 211—236. URL: <https://web.stanford.edu/~gentzkow/research/fakenews.pdf> (accessed on 17.08.2023).

Balcer J. (1977) «The Athenian Episkopos and the Achaemenid „King’s Eye“» // *American Journal of Philology*, vol. 98, no. 3: 252—263.

Beus J., de. (2011) «Audience Democracy: An Emerging Pattern in Postmodern Political Communication» // Brants K. and K.Voltmer, eds. *Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics*. London: Palgrave Macmillan: 19—38.

Bohman J.F. (1990) «Communication, Ideology, and Democratic Theory» // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 1: 93—109.

Brattberg E. and T.Maurer. (2018) «Russian Election Interference: Europe’s Counter to Fake News and Cyber Attacks» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 23.05. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/05/23/russian-election-interference-europe-s-counter-to-fake-news-and-cyber-attacks-pub-76435> (accessed on 07.08.2023).

Clarke J., J.Newman, N.Smith, E.Vidler, and L.Westmarland. (2007) *Creating Citizen-Consumers: Changing Publics and Changing Public Services*. London: SAGE Publications.

Dodds E.R. (1951) *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

«Fake News». (2020) // *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake-news> (accessed on 17.08.2023).

Forsdyke S. (2005) *Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece*. Princeton: Princeton University Press.

Fukuyama F. (2018) *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London: Profile Books.

Funke D. and D.Flamini. (2019) «A Guide to Anti-Misinformation Actions around the World» // *Poynter*. URL: <https://www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions> (accessed on 07.08.2023).

- Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity Press.
- Gleick J. (2008) *Chaos: Making a New Science*. London: Penguin.
- Habermas J. (1985) *The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Life-world and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press.
- Harari Yu.N. (2014) *Sapiens: A Brief History of Humankind*. New York: Harper.
- Harari Yu.N., T.Harris, and A.Raskin. (2023) «You Can Have the Blue Pill or the Red Pill, and We're out of Blue Pills» // *The New York Times*, 24.03. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/24/opinion/yuval-harari-ai-chatgpt.html> (accessed on 07.08.2023).
- Helm R.K. and H.Nasu. (2021) «Regulatory Responses to „Fake News“ and Freedom of Expression: Normative and Empirical Evaluation» // *Human Rights Law Review*, vol. 21, no. 2: 302–328.
- Hyland J. (2017) *Persian Interventions: The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450–386 BCE*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Kutner S. (2020) *Swiping Right: The Allure of Hyper Masculinity and Cryptofascism for Men Who Join the Proud Boys*. ICCT Research Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/341650411_Swiping_Right_The_Allure_of_Hyper_Masculinity_and_Cryptofascism_for_Men_Who_Join_the_Proud_Boys (accessed on 07.08.2023).
- Lakoff G. (1993) «The Contemporary Theory of Metaphor» // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. New York: Cambridge University Press: 202–251.
- Lakoff G. and M.Johnson. (2008) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lasswell H. (1948) «The Structure and Function of Communication in Society» // Bryson L., ed. *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers: 37–51.
- Lyotard J. (1984) *The Postmodern Condition*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- «Many Experts Say Digital Disruption Will Hurt Democracy». (2020) // *Pew Research Center*, 21.02. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/concerns-about-democracy-in-the-digital-age/> (accessed on 07.08.2023).
- McDonald M.P. and J.Samples, eds. (2007) *The Marketplace of Democracy: Electoral Competition and American Politics*. New York: Rowman and Littlefield.
- Miller M.C. (2004) *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*. New York: Cambridge University Press.
- Nietzsche F. (1987) *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*. Frankfurt-am-Main: Insel Verlag.
- Parsons T. (1961) «An Outline of the Social System» // Parsons T., E.A.Shils, K.D.Naegle, and J.R.Pitts, eds. *Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: The Free Press: 30–79.

- Persily N. (2017) «The 2016 US Election: Can Democracy Survive the Internet?» // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 2: 63–76.
- Popper K.R. (1971) *The Open Society and Its Enemies: The Spell of Plato*. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press.
- Resnick B. (2018) «The Stanford Prison Experiment Was Massively Influential. We Just Learned It Was a Fraud» // *Vox*, 13.06. URL: <https://www.vox.com/2018/6/13/17449118/stanford-prison-experiment-fraud-psychology-replication> (accessed on 07.08.2023).
- Rid T. (2020) *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Ridder J., de. (2021) «What's so Bad about Misinformation?» // *Inquiry*, 16.11: 1–23. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/0020174X.2021.2002187?needAccess=true&role=button> (accessed on 17.08.2023).
- Sandel M.J. (2020) *Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Skinner Q. and B.Stråth, eds. (2003) *States and Citizens: History, Theory, Prospects*. New York: Cambridge University Press.
- Staats J.L. (2004) «Habermas and Democratic Theory: The Threat to Democracy of Unchecked Corporate Power» // *Political Research Quarterly*, vol. 57, no. 4: 585–594.
- Sterzer Ph. (2022) *Die Illusion der Vernunft: Warum wir von unseren Überzeugungen nicht zu überzeugt sein sollten*. Leipzig: Lagato.
- Tilly C. (1985) «Making War and State Making as Organized Crime» // Evans P.B., D.Rueschemeyer, and T.Skocpol, eds. *Bringing the State Back*. Cambridge: Cambridge University Press: 169–191.
- Tilly C. (1994) «States and Nationalism in Europe 1492–1992» // *Theory and Society*, vol. 23, no. 1: 131–146.
- Tridimas G. (2016) «Conflict, Democracy and Voter Choice: A Public Choice Analysis of the Athenian Ostracism» // *Public Choice*, vol. 169, no. 1–2: 137–159.
- Tumber H. and S.Waisbord, eds. (2021) *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*. London, New York: Routledge.
- Waters M. (2014) *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550–330 BCE*. New York: Cambridge University Press.
- Williams K.D. (2002) *Ostracism: The Power of Silence*. New York: Guilford Press.
- Yadav K. (2020) «Countering Influence Operations: A Review of Policy Proposals since 2016» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 30.11. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/11/30/countering-influence-operations-review-of-policy-proposals-since-2016-pub-83333> (accessed on 09.08.2023).

πολιτικά

K.E.Petrov

CHALLENGES OF AGORA OF DIGITAL SOCIETY

Kirill E. Petrov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Center for the Study of Political Elites, Institute of International Studies, MGIMO-University. Email: originalkir@gmail.com.

Abstract. The article attempts to use the theory of conceptual metaphor to compare distant communicative practices of Ancient Greece and modern times. The author interprets digital communications and social media as Digital Agora, or Agora 2.0. Just as during ancient times the influence of the Agora made the Athenian aristocracy reckon with the demos, the influence of social media has significantly reshaped the modern political process, limiting the former capabilities of the elites. The use of the conceptual metaphor of Agora 2.0 allows the author to clarify similarities in the functioning of open communication systems, within which the mass dissemination of persuasive fake news and/or foreign interference in the electoral process turn out to be essentially insurmountable.

Societies have to adapt in order to compensate for the potentially destructive effects of agorocentric structures. According to the author, it is still an open question of whether the Digital Agora will cope with numerous challenges, or whether the trends causing irreparable damage to democratic institutions will prevail. When examining a potential response to the challenges posed by the existence of the Digital Agora, the author makes use of a biological metaphor of an immune response, employing it to analyze most probable scenarios — from a radical ban on the Agora 2.0's very infrastructure to the introduction of subtle homogenizing institutions that prevent the unchecked growth of populist influence.

Keywords: digital society, populism, fake news, democratic regime, polis democracy, epistemological crisis, Agora, ostracism, information security, elections

References

- Allcott H. and M.Gentzkow. (2017) "Social Media and Fake News in the 2016 Election" // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 2: 211—236. URL: <https://web.stanford.edu/~gentzkow/research/fakenews.pdf> (accessed on 17.08.2023).
- Balcer J. (1977) "The Athenian Episkopos and the Achaemenid „King's Eye“" // *American Journal of Philology*, vol. 98, no. 3: 252—263.

Beus J., de. (2011) “Audience Democracy: An Emerging Pattern in Postmodern Political Communication” // Brants K. and K.Voltmer, eds. *Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics*. London: Palgrave Macmillan: 19—38.

Bohman J.F. (1990) “Communication, Ideology, and Democratic Theory” // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 1: 93—109.

Brattberg E. and T.Maurer. (2018) “Russian Election Interference: Europe’s Counter to Fake News and Cyber Attacks” // *Carnegie Endowment for International Peace*, 23.05. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/05/23/russian-election-interference-europe-s-counter-to-fake-news-and-cyber-attacks-pub-76435> (accessed on 07.08.2023).

Clarke J., J.Newman, N.Smith, E.Vidler, and L.Westmarland. (2007) *Creating Citizen-Consumers: Changing Publics and Changing Public Services*. London: SAGE Publications.

Dodds E.R. (1951) *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

“Fake News”. (2020) // *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake-news> (accessed on 17.08.2023).

Forsdyke S. (2005) *Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece*. Princeton: Princeton University Press.

Foucault M. (2011) *Bezopasnost’, territorija, naselenie: Kurs lektzij, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977—1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population: Cours au College de France (1977—1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Fukuyama F. (2018) *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London: Profile Books.

Funke D. and D.Flamini. (2019) “A Guide to Anti-Misinformation Actions around the World” // *Poynter*. URL: <https://www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions> (accessed on 07.08.2023).

Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity Press.

Girard R. (2010) *Kozel otpushchenija* [Le bouc émissaire]. St Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. (In Russ.)

Gleick J. (2008) *Chaos: Making a New Science*. London: Penguin.

Habermas J. (1985) *The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press.

Harari Yu.N. (2014) *Sapiens: A Brief History of Humankind*. New York: Harper.

Harari Yu.N., T.Harris, and A.Raskin. (2023) “You Can Have the Blue Pill or the Red Pill, and We’re out of Blue Pills” // *The New York Times*, 24.03. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/24/opinion/yuval-harari-ai-chatgpt.html> (accessed on 07.08.2023).

Helm R.K. and H.Nasu. (2021) “Regulatory Responses to „Fake News“ and Freedom of Expression: Normative and Empirical Evaluation” // *Human Rights Law Review*, vol. 21, no. 2: 302—328.

Hyland J. (2017) *Persian Interventions: The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450—386 BCE*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Istomin I.A. (2023) “Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizatsija sushchnostno neopredelimogo kontsepta” [Foreign Interference in Internal Affairs: Deconstruction of an Essentially Indeterminate Concept] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 120—137. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2023/2/Polis-2023-2-Istomin.pdf> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Kutner S. (2020) *Swiping Right: The Allure of Hyper Masculinity and Cryptofascism for Men Who Join the Proud Boys*. ICCT Research Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/341650411_Swiping_Right_The_Allure_of_Hyper_Masculinity_and_Cryptofascism_for_Men_Who_Join_the_Proud_Boys (accessed on 07.08.2023).

Lakoff G. (1993) “The Contemporary Theory of Metaphor” // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. New York: Cambridge University Press: 202—251.

Lakoff G. and M.Johnson. (2008) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

Lasswell H. (1948) “The Structure and Function of Communication in Society” // Bryson L., ed. *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers: 37—51.

Levytsky V.S (2023) “Ontologicheskaja priroda politiki” [The Ontological Nature of Politics] // *Politeia*, no. 1 (108): 25—39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-25-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-25-39.pdf) (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Lyotard J. (1984) *The Postmodern Condition*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Magun A.V. (2016) *Demokratija, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and Hegemon]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

“Many Experts Say Digital Disruption Will Hurt Democracy”. (2020) // *Pew Research Center*, 21.02. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/concerns-about-democracy-in-the-digital-age/> (accessed on 07.08.2023).

McDonald M.P. and J.Samples, eds. (2007) *The Marketplace of Democracy: Electoral Competition and American Politics*. New York: Rowman and Littlefield.

Miller M.C. (2004) *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*. New York: Cambridge University Press.

Modi N. (2022) “Nasha era ne dolzhna byt' epokhoj vojn” [Our Era Should Not Be an Era of Wars] // *Kommersant*, 1.12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694436> (accessed on 07.08.2023). (In Russ.)

Nietzsche F. (1987) *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*. Frankfurt-am-Main: Insel Verlag.

Parsons T. (1961) “An Outline of the Social System” // Parsons T., E.A.Shils, K.D.Naegle, and J.R.Pitts, eds. *Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: The Free Press: 30–79.

Persily N. (2017) “The 2016 US Election: Can Democracy Survive the Internet?” // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 2: 63–76.

Popper K.R. (1971) *The Open Society and Its Enemies: The Spell of Plato*. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press.

Poretskova A.A. and N.Yu.Savin. (2021) “Na puti k auditornomu predstavitel'stvu: mediatizatsija politiki i novye vyzovy dlja demokratij i avtokratij” [On the Way to Audience Representation: Mediatization of Politics and New Challenges for Democracies and Autocracies] // *Kommunikatsii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design], vol. 6, no. 2: 33–51. (In Russ.)

Resnick B. (2018) “The Stanford Prison Experiment Was Massively Influential. We Just Learned It Was a Fraud” // *Vox*, 13.06. URL: <https://www.vox.com/2018/6/13/17449118/stanford-prison-experiment-fraud-psychology-replication> (accessed on 07.08.2023).

Rid T. (2020) *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Ridder J., de. (2021) “What’s so Bad about Misinformation?” // *Inquiry*, 16.11: 1–23. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/0020174X.2021.2002187?needAccess=true&role=button> (accessed on 17.08.2023).

Ryabov A.V. (2022) “O protivorechijakh i istoricheskikh razvilkakh perekhoda k tsifrovomu obshchestvu” [About Contradictions and Historical Forks of the Transition to a Digital Society] // *Politeia*, no. 4 (107): 23–39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4\(107\)-Pages-001-208-23-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4(107)-Pages-001-208-23-39.pdf) (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Sandel M.J. (2020) *Tyranny of Merit: What’s Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.

Sergeyev V.M. (1999) *Demokratija kak peregovornyj protsess* [Democracy as Negotiation Process]. Moscow: MONF. (In Russ.)

Sergeyev V.M., A.A.Kazantzev, and K.E.Petrov. (2017) “Politika „mejnstrima“ i ee al'ternativy v sovremennom zapadmon mire: na puti ot mirovogo ekonomicheskogo krizisa k „nevozmozhnoj politike“?” [The Policy of “Mainstream” and Its Alternatives in the Modern Western World: on the Way from the World Economic Crisis to “Impossible Politics”?] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 8–29. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2017/3/Polis-2017-Sergeyev.pdf> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Shaveko N.A. (2023) “Agonisticheskij pljuralizm i sostjazatel'naja model' demokratii: problemy normativnogo obosnovanija” [Agonistic Pluralism and Competitive Model of Democracy: Problems of Normative Justification] // *Politeia*, no. 1 (108): 6–24. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-6-24.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-6-24.pdf) (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Skinner Q. and B.Stråth, eds. (2003) *States and Citizens: History, Theory, Prospects*. New York: Cambridge University Press.

Staats J.L. (2004) “Habermas and Democratic Theory: The Threat to Democracy of Unchecked Corporate Power” // *Political Research Quarterly*, vol. 57, no. 4: 585—594.

Sterzer Ph. (2022) *Die Illusion der Vernunft: Warum wir von unseren Überzeugungen nicht zu überzeugen sein sollten*. Leipzig: Lagato.

Tilly C. (1985) “Making War and State Making as Organized Crime” // Evans P.B., D.Rueschemeyer, and T.Skocpol, eds. *Bringing the State Back*. Cambridge: Cambridge University Press: 169—191.

Tilly C. (1994) “States and Nationalism in Europe 1492—1992” // *Theory and Society*, vol. 23, no. 1: 131—146.

Tridimas G. (2016) “Conflict, Democracy and Voter Choice: A Public Choice Analysis of the Athenian Ostracism” // *Public Choice*, vol. 169, no. 1—2: 137—159.

Tumber H. and S.Waisbord, eds. (2021) *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*. London, New York: Routledge.

Vidal-Naquet P.E. (2001) *Chernyj okhotnik: Formy myshlenija i formy obshchestva v grecheskom mire* [Le chasseur noir: Formes de pensée et formes de société dans le monde grec]. Moscow: Lodomir. (In Russ.)

Volkov V.V. (2018) *Gosudarstvo, ili Tsena porjadka* [The State, or the Price of the Order]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Waters M. (2014) *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550—330 BCE*. New York: Cambridge University Press.

Williams K.D. (2002) *Ostracism: The Power of Silence*. New York: Guilford Press.

Yadav K. (2020) “Countering Influence Operations: A Review of Policy Proposals since 2016” // *Carnegie Endowment for International Peace*, 30.11. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/11/30/countering-influence-operations-review-of-policy-proposals-since-2016-pub-83333> (accessed on 09.08.2023).

Zolyan S., N.Probst, Zh.Sladkevich, and G.Tulchinsky. (2021) *Fejki: kommunikatsija, smysly i otvetstvennost'* [Fake: Communication, Meanings, and Responsibility]. St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)